

Татiana Люс

Танцюя на краю пути

18+

Татиана Люс

Танцуя на краю пути

«Автор»

2025

Люс Т.

Танцуя на краю пути / Т. Люс — «Автор», 2025

На грани двух миров, где уют старого имения встречается со стальными рельсами, рождается история, способная изменить всё. Эпоха, застывшая в шелесте шелковых платьев и аромате дорогих сигар, кажется незыблемой. Но юная героиня, чья душа рвется на свободу из кружевных оков условностей, находит ее в вихре безудержного танца на залитой солнцем поляне. Ее танец — это вызов, ее смех — это музыка, а восхищенный взгляд незнакомца в безупречной тройке — молчаливое признание, в котором читается что-то большее, чем просто интерес. Их зарождающемуся чувству суждено пройти первое испытание, когда у самой кромки сада с оглушительным скрежетом замирает могучий экспресс. Его внезапная остановка — не просто случайность. Это — дверь в иную жизнь, полную скорости, тайн и неожиданных поворотов. Что она выберет: безопасность старого мира или головокружительную неизвестность нового, куда ее зовут глаза того самого мужчины?

© Люс Т., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Вишневый вальс на краю рельсов	5
Глава 2. Билет в никуда	8
Глава 3. Ночной экспресс в никуда	11
Глава 4. Тени в зеркальном коридоре	13
Глава 5. Убежище в пасти зверя	15
Глава 6. Хозяин кабинета	17
Глава 7. Холодная сталь	20
Глава 8. Между двух огней	23
Глава 9. Уроки в полумраке	25
Глава 10. За порогом бури	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татиана Люс

Танцую на краю пути

Глава 1. Вишневый вальс на краю рельсов

Воздух в тот день был густым и сладким, словно его перемешали с цветочным нектаром и солнечным светом. Время текло медленнее, чем обычно, повинаясь какому-то своему, особому распорядку. Эпоха, застывшая в скрипе кожаных сидений экипажей и шелесте тяжелого шелка, казалось, нашла свое идеальное воплощение в этом загородном доме. Его резные ставни, выбеленные дождевыми ливнями, смотрели на мир с ленивой важностью. С веранды, увитой диким виноградом, доносился неторопливый перезвон чайных ложек — симфония размеренной, предсказуемой жизни. Но самой причудой, самым дерзким контрастом этого утонченного мира была железная дорога. Ее стальные рельсы, как шрам от иной, стремительной и непонятной жизни, пролегали прямо за розарием, на самом краю ухоженного участка, вечно напоминая, что за покоем парков и садов всегда таится движение, гулкие свистки и манящая неизвестность дальних путей.

Общество, собравшееся на поляне, усыпанной ромашками и мышиным горошком, напоминало ожившую картину какого-нибудь модного французского живописца. В ажурной беседке-ротонде, похожей на гигантскую сахарную головку, кокетничали дамы. Их шляпки с шелковыми цветами и страусиными перьями были целыми архитектурными сооружениями, бронебойными средствами кокетства, а смех — звонким, отточенным и подчиненным строгому ритму светских приличий. Поодаль, в глубоких плетеных креслах, расставленных будто бы небрежно, но на самом деле с точным пониманием иерархии, расположились мужчины. Плотный, ароматный дым от гаванских сигар сизыми клубами плыл над их головами, смешиваясь с обрывками фраз о предстоящих скачках, новых паровых машинах и последних политических новостях из столицы. Среди них, чуть в стороне от общего круга, сидел и он.

А я танцевала.

Из распахнутых настежь высоких окон гостиной лилась музыка, под которую, казалось, замирали птицы в ветвях старых лип. Это был не бездушный патефон, а живое, трепетное звучание — молодой человек, племянник хозяйки, в безупречном белом кителе самозабвенно выводил на рояле «Лунную сонату». И под эти волнующие, печально-страстные аккорды, под эту музыку, словно созданную для лунного света, а не для яркого дня, мое тело обрело крылья. Платье цвета спелой вишни, тяжелый шелк которого шипел и скользил по примятой траве, взмывало в такт движениям, обнажая на мгновение кончики лакированных туфель. Это был не просто танец. Это была исповедь, выплеснувшаяся наружу помимо моей воли. Каждый взмах руки, каждый резкий, почти мальчишеский поворот, сменяющийся плавным, женственным изгибом, рассказывали историю о свободе, о том, что душа моя, скованная корсетом условностей и ожиданий, рвется наружу, к ветру, к скорости, к чему-то большему, что лежало за горизонтом, туда, куда вели эти стальные рельсы.

Я отрывалась по-настоящему, с той самой резвостью, что граничила с дерзостью, и с той самой элегантностью, что одна только и может простить любую дерзость. Я ловила на себе взгляды — одобрительные, удивленные, слегка скептические из беседки, где моя матушка уже, наверное, сокрушенно вздыхала, пряча улыбку за веером. Но был один взгляд, который я чув-

ствовала всей кожей, будто луч прожектора, выхвативший меня из полумрака вечера и без лишних слов объявивший главной героиней разворачивающегося спектакля.

Я замедлила вращение, позволив музыке донести меня, как щепку по волне, и повернула голову.

Он сидел, откинувшись в кресле, держа в длинных, ухоженных пальцах бокал с коньяком, но, казалось, забыл о его существовании. Он смотрел на меня. И это был не взгляд ценителя прекрасного, не холодная оценка самца, высматривающего добычу. *Нет.*

Он смотрел так, будто увидел ангела, сошедшего с небес не в сиянии нимба, а в вихре вишневого шелка и юношеского задора. В его глазах — светлых, цвета старого, настоящего на солнце янтаря — не было ни капли надменности, расчета или снисходительного любопытства. Лишь тихая, бездонная доброта и самое искреннее, неподдельное очарование, какое я когда-либо видела.

В них читалось нечто большее, чем восхищение — узнавание. Будто он долго блуждал в потемках и вдруг увидел знакомый, давно забытый огонек в окне. Будто он ждал этого мига, этого танца, этой конкретной девушки на краю железной дороги всю свою жизнь, даже не подозревая об этом.

Мир сузился до размера его взгляда. Величественная музыка Бетховена зазвучала только для нас, превратившись в интимный саундтрек к нашей немой сцене. Я уже не танцевала для себя, не пыталась выплеснуть наружу бурлящую во мне энергию — я танцевала для него. Каждый жест, каждый наклон головы, каждая смущенная улыбка, спрятанная под широкими полями шляпки, были частью начавшегося без единого слова диалога, признания, обещания.

И в тот самый миг, когда тихий, почти благоговейный восторг в его глазах достиг своего пика и между нами будто натянулась незримая, трепещущая нить, с рельсов донесся низкий, нарастающий гул, грубо и безжалостно заглушивший собой и рояль, и стрекот кузнечиков, и тихий шепот беседки. Из-за поворота, с грохотом разрывая знойную дремоту дня, вырвался экспресс. Не тихоходный, неторопливый товарняк, а стремительный, выкрашенный в грозный темно-синий цвет состав, настоящий символ новой, неумолимой и стремительной эпохи, надвигавшейся на наш уютный, привычный мирок.

Но он не промчался мимо с ослепительной скоростью, как это всегда бывало. С оглушительным, режущим слух скрежетом и яростным шипением пара, вырывавшегося из-под всех клапанов, он начал замедлять ход. Люди в беседке вскрикнули в унисон, мужчины, словно по команде, вскочили с кресел, роняя сигары. Громада стали и дыма, пыхтя и лязгая сцеплениями, с невероятной, почти нереальной точностью остановилась. Огромное, в рост человека, колесо замерло буквально в сантиметре от бледного, испуганно-изумленного лица моей подруги Аннет, сидевшей на самом краю беседки, подставившей солнцу свои прелестные щеки. Она отшатнулась, вжавшись в спинку скамьи, и ее изящная соломенная шляпка-канотье с кокетливой синей вуалеткой, сорвавшись, упала в пыльную грязь у самых рельс.

Наступила оглушительная, звенящая тишина, нарушаемая лишь громким, учащенным стуком моего сердца в ушах и угрожающим, змеиным шипением замершего паровоза. И сквозь завесу густого, белого пара, за стеклом одного из окон вагона первого класса, я снова встретила с его взглядом. Он все так же смотрел на меня, но теперь в его очарованных, добрых

глазах читался немой, полный напряжения вопрос, тревожный призыв и смутное предчувствие большой дороги, что зияла теперь за его спиной темным проемом распахнутой двери. Остановился ли экспресс здесь случайно, по чьей-то неведомой прихоти? Или он был частью нашего странного, начавшегося с вальса под Бетховена, романа? И самое главное — куда, в конечном счете, он мог нас увезти, если мы решимся сделать этот шаг?

Глава 2. Билет в никуда

Тишина, наступившая после оглушительного скрежета, была густой и звенящей, как перетянутая струна, готовая лопнуть в любой момент. Она длилась всего мгновение, затянута- шееся в странном, нереальном временном промежутке, где даже птицы замолчали, а воздух застыл, наполненный мельчайшими частицами пара и пыли. Затем поляна взорвалась хаосом, словно кто-то встряхнул гигантский муравейник.

Дамы в беседке вскрикивали, хватаясь за кружевные воротнички и сердца, их лица, еще минуту назад безмятежные и улыбчивые, исказились от неподдельного ужаса. Мужчины, нару- шив все правила светского спокойствия, отбрасывали сигары и спешили к месту происшествия, их голоса сливались в тревожный гул. Аннет, бледная как полотно, беззвучно плакала, уткнув- шись в плечо соседки, ее изящная шляпка-канотье безнадежно лежала в пыли у подножия стального великана, и никто не решался подойти к самому краю, чтобы поднять ее.

Я стояла, парализованная, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Но не из-за страха перед громадой поезда. Причина моего оцепенения была в том самом взгляде, который все еще держал меня, словно невидимый якорь, не позволяя сорваться в панику. Александр. Теперь я знала его имя, услышав, как кто-то окликнул его в нарастающей суматохе. Он уже не сидел в кресле. Он стоял, его поза была напряженной, готовой к действию, а взгляд, прежде такой добрый и очарованный, стал острым, сосредоточенным, почти чужим. Он смотрел не на меня, а на темный, зияющий проем двери вагона первого класса, словно ожидая оттуда появления призрака.

И призрак появился.

Дверь открылась беззвучно, вопреки всему лязгу и грохоту, что сопровождали остановку, и в проеме показался он.

Это был не проводник и не инженер. Мужчина лет сорока, в идеально сшитом дорож- ном костюме темно-серого цвета, который казался продолжением его собственной, стальной натуры. Его движения были плавными, экономичными, лишенными суеты. Лицо — маской холодной, отстраненной учтивости, высеченной из мрамора. Но глаза... глаза были пронзитель- ными, серыми, как зимнее море перед штормом, и они медленно скользнули по перепуганной толпе с безразличием хищника, бегло оценивающего стадо.

— Прошу прощения за столь бесцеремонное вторжение в вашу идиллию, — его голос был низким, ровным, бархатным, но без единой нотки искреннего раскаяния. Он обратился к хозяевам, которые стояли, не в силах вымолвить слово, но его взгляд на мгновение — выдер- жанную, тягучую секунду — зацепился за Александра, и между ними пробежала молния без- молвного узнавания. Враждебность? Предупреждение? Я не могла разобрать, но воздух между ними зарядился статическим электричеством надвигающейся грозы. — Незначительная тех- ническая неполадка в топливной системе. Вынужденная мера предосторожности. Надеюсь, мы не слишком напугали дам.

Это была *ложь*. Я чувствовала это каждой клеточкой. Каждым нервом, все еще трепетав- шим от танца. Этот поезд, эта театральная, рассчитанная остановка — все это был спектакль. Но какова была его цель?

И тогда случилось нечто, от чего кровь действительно застыла в жилах. Его ледяной взгляд, скользнув по Александру с легким, едва уловимым презрением, задержался на нем, а затем... медленно, неумолимо, словно стрелка компаса, нашедшая север, перешел на меня. Казалось, он сканировал толпу, искал кого-то, и теперь нашел. В его глазах не было вопроса, лишь холодное подтверждение.

Он сделал несколько точных шагов, его лакированные ботинки бесшумно ступали по примятой траве, оставляя едва заметные вмятины. Толпа расступилась перед ним, как перед прокаженным. Он шел прямо ко мне, игнорируя всех — разгневанных отцов, испуганных матерей, саму хозяйку имения. Остановившись на почтительном, но демонстративно близком расстоянии, он склонил голову в едва заметном, почти насмешливом поклоне и протянул небольшой, но плотный конверт из кремовой, дорогой на ощупь бумаги.

— Вам, сударыня, — произнес он, и в его бархатном голосе прозвучала неумолимая, железная уверенность.

Рука сама потянулась за конвертом, движимая каким-то гипнотическим импульсом. В пальцах он был тяжелым и гладким, с тисненым логотипом, который я не стала разглядывать. Я машинально, почти не глядя, вскрыла его тонким ногтем. Внутри лежал не визитная карточка, а единственный, изящно отпечатанный билет. «СИНИЙ ЭКСПРЕСС. КУПЕ №3. ОТПРАВЛЕНИЕ: СЕГОДНЯ. 20:00». Ни имени, ни пункта назначения. Только номер купе и время. И еще... маленькая, аккуратно засушенная вишневая веточка с двумя темными листочками. Тот самый намек. Тот самый вызов. Он видел. Видел мой танец, цвет моего платья. Эта остановка была не для Александра. Или не только для него. *Она была для меня.*

Я подняла глаза, чувствуя, как горит лицо, и встретила взглядом с незнакомцем. В его стальных глазах читалось спокойное ожидание. Он знал. Он все знал.

В этот момент Александр, наконец, сдвинулся с места. Он подошел ко мне стремительно, встал чуть ближе, чем того требовали приличия, создавая защитное пространство вокруг нас. Он не смотрел на незнакомца, он смотрел только на меня. Его лицо было серьезным, губы сжаты, но в глазах, таких добрых ранее, теперь бушевала буря.

— Вам не обязательно ничего решать сейчас, — тихо, но очень четко сказал он, и его слова были предназначены только для моих ушей, островок спокойствия в бушующем море хаоса. Его рука едва заметно, на грани приличия, коснулась моей — мимолетное, полное тревоги и чего-то большего прикосновение. А потом он добавил еще тише, почти шепотом, который проник прямо в душу и заставил похолодеть: — Не доверяйте этому поезду. Ради всего святого. И тем, кто в нем.

Незнакомец, услышав это, лишь едва заметно, почти по-кошачьи, улыбнулся уголками тонких губ, словно наблюдая за предсказуемой и оттого скучной игрой. Не говоря более ни слова, не выразив ни малейшей эмоции, он развернулся и так же бесшумно скрылся в темноте вагона, как будто его и не было.

С шипением и мощным клубом белого пара, вырвавшегося из-под колес, Синий Экспресс плавно, почти живым движением тронулся с места, набирая скорость с неестественной для такой махины быстротой, и вскоре исчез за поворотом, за рощей старых берез. Он оставил

после себя лишь легкую дрожь в земле, медленно оседающую в воздухе пыль и витающий, едкий запах гари, смешанный с ароматом дорогих духов и тайны.

Гости, ошеломленные, медленно расходились, обсуждая случившееся взволнованными, приглушенными шепотами, бросая в мою сторону странные, полные любопытства и осуждения взгляды. Кто-то, набравшись смелости, поднял шляпку Аннет. Жизнь, казалось, пыталась вернуться в привычное, раз и навсегда установленное русло, но каждый чувствовал — что-то было безвозвратно сломано, треснула та хрустальная ваза, что звалась их идеальным миром.

Я стояла одна, сжимая в руке злополучный, обжигающий пальцы билет. Он был тяжелее, чем должен был быть. Передо мной был не просто выбор — уехать или остаться. Это был выбор между двумя полярностями. Между добрыми, полными искренней тревоги глазами Александра, который остался здесь, на безопасной, знакомой, предсказуемой земле, полной условностей и правил. И ледяной, манящей бездной тайны, которую олицетворял незнакомец, опасностью и головокружительной скоростью Синего Экспресса, уносившегося в неизвестность, в ночь, в никуда.

Я подняла глаза и через пространство поляны, залитой теперь косыми лучами заходящего солнца, встретила взгляд Александра. В его глазах я читала немой вопрос, надежду и страх. Но где-то в самой глубине, под слоем тревоги и предупреждения, таилась та же самая, знакомая мне до боли тоска по чему-то большему, по ветру перемен, что горела и во мне.

Билет в никуда лежал у меня в руке, и его тяжесть отзывалась эхом во всем моем существовании. До восьми оставалось три часа. Три часа до пропасти. Три часа до возможности.

Глава 3. Ночной экспресс в никуда

Часы в гостиной пробили восемь, и последний удар колокола замер в сумеречном воздухе, словно призыв к неизвестному, зов, от которого застывало сердце. У меня под темным плащом, наброшенным на все то же вишневое платье, лежал тот самый билет, жгущий кожу через тонкую ткань кармана. Решение пришло не с мыслями о свободе или бегстве, а с внезапным, кристально ясным пониманием: я должна узнать, что скрывается за этой тайной. Ради себя. Ради того немого вопроса, что я увидела в глазах Александра. Ради той частички его души, что, как мне казалось, тосковала о том же, о чем и моя, — о правде, какой бы горькой она ни оказалась.

Никому не сказав ни слова, оставив на письменном столе в своем будуаре записку о том, что уехала к дальней тетушке, я выскользнула через потайную калитку в глубине старого парка. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухим, неровным стуком в висках. Впереди, у заброшенной, давно не используемой платформы, залитая призрачным светом восходящей луны, стояла темная громада «Синего Экспресса». Он казался безжизненным, заколдованным кораблем, выброшенным на берег времени, но из его трубы поднималась легкая, едва видимая струйка дыма, словно огромный зверь лишь притворился спящим, тая в своей утробе неведомые опасности.

Кондуктор у трапа, тот самый стальной мужчина, которого я видела днем, ждал. Его серые глаза холодно блеснули в тусклом свете одинокого фонаря, освещавшего подножку вагона.

— Пунктуальность — редкая и похвальная добродетель, — произнес он, принимая мой билет. Его длинные пальцы едва коснулись моей руки, и по телу пробежал ледяной холодок, словно прикосновение нежити. — Купе номер три. Надеюсь, ваше путешествие оправдает самые смелые ожидания.

Вагон, в который я вошла, был погружен в полумрак и неестественную, давящую роскошь. Глубокие бархатные диваны цвета ночи, отполированные до зеркального блеска поверхности красного дерева, матовое золото бра, чей свет не столько освещал, сколько подчеркивал мрак в углах. В моем купе пахло дорогой кожей, выдержанным табаком и чем-то чуждым, почти электрическим, словно запах надвигающейся грозы. Я прижалась лбом к холодному стеклу, глядя, как проплывают мимо знакомые, милые сердцу очертания спящего имени, и поймала себя на мысли, что отчаянно ищу в темноте один-единственный огонек — окно его комнаты.

С глухим, мощным толчком поезд тронулся, набирая скорость, увозя меня прочь от прошлой жизни, от правил, от условностей. Я не знала, плакать мне от страха или ликовать от предвкушения. Воздух в купе казался густым и тяжелым, им было трудно дышать.

Не знаю, сколько прошло времени — может, полчаса, а может, целая вечность. Внезапно дверь в мое купе бесшумно отворилась, без стука, без предупреждения. Я вскрикнула, инстинктивно отпрянув от окна и прижимаясь к стене. В проеме, прижимая палец к губам в немом, но властном призыве к тишине, стоял он. Александр. Его лицо было бледным и сосредоточенным, темные волосы в беспорядке падали на лоб, а на светлом пиджаке, прямо у плеча, темнело пятно, похожее на грязь, сажу или даже запекшуюся кровь.

— Как вы... — начала я, голос мой сорвался в шепот, но он резко мотнул головой, перекрыв мой вопрос. В его глазах горел огонь, которого я прежде не видела — смесь страха, решимости и какой-то лихорадочной ясности.

— Тише. Нет времени объяснять, — его шепот был напряженным, срочным, он впивался в сознание. Он шагнул внутрь, прикрыв за собой дверь, и я почувствовала, как пространство купе наполнилось его тревогой. — Они знают, что я здесь. И очень скоро поймут, что я нахожусь именно у вас.

— Кто «они»? — прошептала я, чувствуя, как леденящий страх и странное, почти безумное облегчение смыкаются где-то глубоко внутри. Он не остался там, в безопасности, наблюдать со стороны. Он был здесь, со мной, в самом сердце опасности, в стальном чреве этого загадочного экспресса.

— Этого человека зовут Виктор, — быстро, отрывисто проговорил Александр, прислушиваясь к малейшим звукам за дверью. — Он не просто управляющий или представитель компании. У него свои, темные интересы. И этот поезд... он везет не только пассажиров. Здесь что-то происходит. Что-то очень дурное.

В этот самый момент из дальнего конца вагона, слева от моего купе, донесся приглушенный, но гневный окрик, затем звук бегущих, тяжелых шагов, торопливых и целенаправленных. Где-то хлопнула дверь, послышались сдержанные, но резкие голоса. Тишина «Синего Экспресса» была грубо и безжалостно нарушена. Начиналось нечто — не заварушка, нет, а охота. Настоящая, жестокая охота в замкнутом пространстве несущегося в ночи поезда.

Александр метнул взгляд по сторонам, его глаза, привыкшие к светским гостиным, теперь с лихорадочной быстротой искали выход, укрытие, любое решение.

— Они что-то ищут, — прошептал он, и его взгляд снова устремился на меня. В его глазах была не только тревога, но и твердая, непоколебимая решимость. — Или кого-то. И я почти уверен, что это — я. А вы... вы оказались в самой гуще этого ада по моей вине.

Он резко шагнул ко мне и схватил мою руку. Его ладонь была теплой, твердой и удивительно надежной в этом качающемся мире бархата и страха.

— Вы готовы? — спросил он, и в его сдавленном голосе прозвучал тот самый вызов, что когда-то заставил меня танцевать на краю пути. Только теперь этот путь несли вперед с бешеной, неумолимой скоростью, и нам предстояло бежать по нему вместе, в полной темноте, не зная, что ждет впереди — пропасть или спасение.

Глава 4. Тени в зеркальном коридоре

Ледяной ветер в междвагонном переходе выл, как загнанный зверь, рвал подол моего платья и с такой силой бил в лицо, что слезились глаза. Грохот колес, оглушительный и беспощадный, проникал прямо в кости, сливаясь с бешеным стуком моего сердца. Рука Александра сжимала мою с такой силой, что кости ныли, но это было единственное, что удерживало меня от паники. Он рванул на себя тяжелую дверь следующего вагона, и мы ввалились внутрь, едва не падая на скользкий, покрытый узором линолеум пол.

Мы оказались в длинном, слабо освещенном коридоре. Стены были обиты темным деревом, а по обеим сторонам тянулись одинаковые, ничем не примечательные двери. Это были служебные помещения. Воздух пах пылью, маслом и чем-то едким, химическим.

— Дыши, — Александр, прислонившись к стене, тяжело дышал. Его взгляд метался по коридору, выискивая опасность. — Глупость... Невероятная глупость с моей стороны. Я втянул тебя в это.

— «Втянул»? — выдохнула я, пытаюсь отдышаться. — Вы сказали «они ищут вас». Почему? Что происходит, Александр?

Он посмотрел на меня, и в его глазах, таких ясных и честных днем на поляне, мелькнула тень. Быстрая, как взмах крыла летучей мыши, но я ее поймала.

— Я не могу тебе этого сказать, — его голос прозвучал твердо, но в нем слышалось напряжение. — Чем меньше ты знаешь, тем в большей безопасности будешь. Поверь мне.

— Как я могу вам верить, если я ничего не знаю? — прошептала я. — Вы появляетесь в моем купе, за вами охотится вооруженная охрана, а все, что я слышу — «верь мне»!

Он сжал губы, и его взгляд стал упрямым, почти жестким. — Некоторые вещи лучше оставить за закрытыми дверями. Это не твоя война.

— Но вы сделали ее моей, когда пришли ко мне! — в голосе моем прозвучали отчаяние и гнев. — Хотя бы скажите, что нам нужно?

— Добраться до головного вагона, — коротко бросил он. — Там есть кое-что, что мне нужно. Доказательства. После этого всё закончится.

В его словах не было ни капли прежнего обаяния. Передо мной был не тот человек, что смотрел на меня очарованными глазами на поляне. Это был одержимый незнакомец с пустым взглядом, готовый идти по головам ради своей цели.

— И что тогда? — не отступала я. — Что это за доказательства? От чего они могут спасти?

Он отвернулся. — Хватит вопросов. Решай — идешь со мной или нет. У нас нет времени на эти разговоры.

В этот момент из дальнего конца коридора послышались шаги. Твердые, размеренные. Александр резко выпрямился, прижал меня к стене, заслонив собой.

— Решайся, — его шепот был резким и лишенным всякой теплоты. — Сейчас или никогда. Доверься мне.

Доверься мне.

Эти слова прозвучали как приговор. Как насмешка. Доверять человеку, который отказывается говорить правду? Кто втянул меня в эту опасность, не дав даже выбора?

И в этот самый момент, глядя на его профиль, напряженный и отстраненный, я все поняла. Ему не нужна была я как человек. Ему нужен был попутчик. Свидетель. Возможно, даже разменная монета на случай, если придется договариваться с Виктором. Его доброта и очарование растворились, обнажив холодную сталь решимости.

Шаги приближались. Сердце колотилось, но разум был ясен.

Я медленно, но неуклонно высвободила свою руку из его.

— Нет, — сказала я тихо, но четко. — Я не пойду с человеком, который не может доверить мне правду.

Его лицо исказилось от изумления, а затем — от быстрой, яростной вспышки гнева. Он не ожидал этого. Он был так уверен в своей власти надо мной.

— Глупая девчонка, — прошипел он. — Ты не понимаешь, с чем играешь.

— Именно поэтому я не буду в этом участвовать, — ответила я, отступая на шаг.

Повернувшись, я бросилась бежать в противоположную сторону от шагов, вглубь лабиринта служебных помещений, оставив его одного в коридоре с его тайнами и его яростью. Я не знала, куда бегу, не знала, что ждет меня впереди. Но я знала одно: доверие, рожденное под звуки «Лунной сонаты», было мертво. И впереди, в несущемся сквозь ночь экспрессе, я была теперь совершенно одна.

Глава 5. Убежище в пасти зверя

Адреналин — горький и острый — наполнял рот, гнал вперед, заставляя ноги двигаться быстрее, чем могло сознание. Я летела по узкому, продуваемому ледяными сквозняками коридору, отчаянно цепляясь взглядом за ритмично мелькающие в стене заклепки. Где-то позади, нарастая с каждым мгновением, гремели его шаги — тяжёлые, яростные, неумолимые. Александр. Его дыхание, прерывистое и хриплое, долетало до меня, смешиваясь с грохотом колёс и воем ветра в стальных переходах.

«Глупая! Вернись!» — его голос, некогда мягкий и полный того самого очарования, что заставил мое сердце трепетать на поляне, теперь резал слух, словно ржавая проволока. В нём не осталось ничего, кроме злобы и отчаяния. Он не умолял — он требовал, приказывал, и от этого становилось ещё страшнее.

Я не оглядывалась, прижимаясь на поворотах к холодным стальным стенам вагона, чувствуя, как вибрация поезда проходит сквозь всё моё тело. Он был так близко, что я почти физически ощущала жар его ярости. Впереди, в самом конце коридора, виднелась дверь — не серая служебная, а из тёмного, полированного дерева, с массивной латунной ручкой. Последний шанс. Последнее возможное укрытие в этом стальном лабиринте, несущемся сквозь ночь.

Из последних сил я рванулась к ней, молясь, чтобы она не была заперта. Ладонь скользнула по холодной латуни, я нажала — и дверь поддалась с тихим, утробным щелчком. Я ввалилась внутрь и тут же, всей тяжестью, прислонилась к ней спиной, пытаюсь заглушить собственное прерывистое, свистящее дыхание. Глухой щелчок замка прозвучал как приговор в наступившей внезапно тишине.

Тишина. Она была первой странностью. Грохот колёс, ещё секунду назад оглушающий, здесь был приглушённым, отдалённым, будто комната была обита не только бархатом, но и ватой. Я стояла, прижавшись к двери, и медленно осматривалась.

Это был кабинет. Не служебное помещение, а пространство, дышащее роскошью, властью и... временем. Стены, обитые тёмно-зеленым бархатом, поглощали свет. Массивный письменный стол из красного дерева был завален не чертежами поездов, а стопками бумаг, свитками и книгами в потрёпанных кожаных переплётках. В воздухе витал тяжёлый коктейль запахов — старый пергамент, дорогой коньяк, воск для полировки и что-то ещё, едва уловимое и тревожное, словно запах статического электричества перед бурей.

Снаружи, прямо у двери, замерли его шаги. Я затаила дыхание, вжавшись в дерево, ожидая, что вот-вот дверь содрогнётся от удара. Но вместо этого раздался приглушённый, яростный шёпот, обращённый к самому себе, полный такой ненависти, что мне стало физически плохо. Затем шаги удалились, затихли в грохоте поезда. *Он ушёл.* Слабая дрожь безумного облегчения пробежала по моим ногам, но расслабляться было нельзя. Эта передышка могла оказаться мимолётной.

Мой взгляд, блуждающий по комнате в поисках другого выхода (которого, как я быстро убедилась, не было), снова и снова возвращался к письменному столу. Что-то в этом хаотичном нагромождении бумаг манило и пугало одновременно. Я сделала шаг вперёд, потом другой, двигимая тем же тёмным любопытством, что когда-то заставило меня принять билет в никуда.

Мои пальцы скользнули по краю стола, отодвигая тяжёлый, холодный пресс-папье из тёмного хрусталя. Под ним лежала папка из плотного картона, без каких-либо опознавательных знаков. Рука сама потянулась к ней.

Я открыла папку. И почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Наверху лежал карандашный набросок. Портрет. Мой портрет. Я была изображена в том самом вишнёвом платье, в той самой шляпке с полями. Но я была не на поляне. Художник запечатлел меня в полуоборот, взгляд устремлён куда-то вдаль, за пределы листа. И на этом рисунке не было ни безудержной радости, ни энергии танца — лишь глубокая, почти трагическая задумчивость. Как? Когда? Кто мог это нарисовать? Холодная ползучая мурашка пробежала по спине.

Дрожащей рукой я отодвинула рисунок. Под ним лежала старая, пожелтевшая фотография с волнистыми краями. На ней двое мальчиков, лет десяти и двенадцати, стояли, обнявшись, на фоне того самого загородного дома, где всё началось. У обоих — светлые, пшеничные волосы и беззаботно смеющиеся глаза, полные доверия к миру. Я узнала их мгновенно. Младший — Александр. Старший, с уже проступающей в чертах лица твёрдостью и скрытой силой — Виктор.

Братя.

Всё сложилось в уродливую, пугающую картину. Это не была деловая вражда или политический заговор. Это была война внутри семьи. Глубокая, старая, пропитанная ядом ненависти, в которую Александр втянул меня, ничего не объяснив, используя как разменную монету. И этот портрет... Зачем Виктору мой портрет, нарисованный ещё до нашей встречи? Значит ли это, что моё появление в этом поезде не было случайностью? Что и Александр, и Виктор... оба что-то знали обо мне с самого начала?

Я отшатнулась от стола, чувствуя, как комната начинает медленно плыть перед глазами. Я была не просто невольной свидетельницей. Я была пешкой в игре, правила которой мне были неизвестны, а игроки оказались кровными братьями, чья вражда была старше меня. Холодный, тошнотворный ужас, куда более страшный, чем страх перед погоней, сковал меня. Я стояла в самом сердце стального чудовища, в кабинете одного из них, с доказательством их связи в дрожащих руках, и понимала — я в ловушке. Дверь была заперта, но чувствовала я себя не в убежище, а в самой середине пасти проснувшегося зверя, который в любой момент мог сомкнуть челюсти.

Глава 6. Хозяин кабинета

Тиканье настенных часов за бархатными драпировками казалось невероятно громким в оглушительной тишине кабинета. Каждый щелчок отзывался эхом в моих висках, отсчитывая секунды до неминуемой развязки. Я стояла, прислонившись к массивной двери, и вглядывалась в полумрак, настороженная, как загнанный зверь. Но кроме мерного гудения где-то в недрах поезда и этого проклятого тиканья, ничего не нарушало спокойствия.

Страх, острый и животный, постепенно начал отступать, уступая место леденящему осознанию: *я в западне*. Прочная, полированная дверь не обещала легкого выхода. Окна, если они и были, скрывались за тяжелыми портьерами, и вряд ли они открывались. Паника снова подступила к горлу, горьким комом. Нужно было двигаться, действовать, искать хоть какую-то щель в этой роскошной клетке.

Сделав глубочайший вдох, я оттолкнулась от двери и сделала первый шаг вглубь комнаты. Ковер, мягкий и густой, поглощал звук шагов. Воздух был густым, насыщенным ароматами старой кожи, воска и чего-то еще — сладковатого, пряного, напоминающего засохшие цветы в гербарии. Я медленно обошла письменный стол, погладив ладонью холодную, отполированную до зеркального блеска поверхность красного дерева. Мои пальцы скользнули по изящным бронзовым ручкам ящиков, но тянуться к ним не решалась. Вместо этого взгляд упал на книжные полки.

Они тянулись от пола до потолка, и книги на них стояли в идеальном порядке. Но мое внимание привлекла одна, выделявшаяся своим потрепанным, потертым корешком среди роскошных переплетов. Я потянулась и осторожно извлекла ее. Это был томик стихов Тютчева, старинного издания. На форзаце алым, выцветшим от времени чернилами была выведена дарственная надпись: *«Моему Виктору. На вечную память о наших беседах под сенью лип. Твой А.»*.

А. Александр. Рука дрогнула, и книга едва не выскользнула из пальцев. Они не просто были братьями. Они когда-то делились стихами, беседовали о вечном. Что же могло развести их так далеко, превратить в лютых врагов?

Желание найти ответ стало навязчивым, непреодолимым. Я вернулась к столу и, преодолевая внутренний запрет, потянула за ручку верхнего ящика. Он бесшумно поддался. Внутри царил образцовый порядок: стопки белой бумаги, аккуратно разложенные перья, чернильницы. Ни намек на личное. Второй ящик оказался таким же. Но когда я попыталась открыть третий, самый нижний и самый широкий, он не поддался. Заперт.

Отчаянно, почти истерично, я стала ощупывать резные украшения стола, нажимать на случайные выступы, искать хоть какой-то секрет. И вдруг мой палец наткнулся на крошечную, почти невидимую глазу кнопку, скрытую в завитке резной розы на боковой панели. Раздался тихий щелчок, и тонкая панелька отъехала в сторону, обнажив потайное отделение.

Сердце заколотилось с новой силой. Внутри, на бархатной подкладке, лежала не папка с документами, а старая, истрепанная шкатулка из темного дерева. Рядом с ней — толстая тетрадь в кожаном переплете, потрескавшемся от времени. Дневник.

Руки дрожали, когда я подняла его. Первые страницы были исписаны уверенным, размашистым почерком. Это был дневник Виктора. Он начинался с юношеских записей, полных надежд и братской любви к «маленькому Саше». Я пролистала дальше, и постепенно тон записей стал меняться. Появилась тревога. «Отец все чаще говорит о Саше, как о наследнике. А я? Разве я не старший? Разве не я все эти годы был его правой рукой?» Потом — горечь: «Сегодня отец объявил. Имение, дело... все Саше. Мне — лишь долю в прибыли. Сказал, что у меня слишком холодное сердце для управления людьми. А у Саши — доброта. Доброта!»

Записи становились все мрачнее, полными желчи и обиды. И вот ключевая запись, датированная несколькими годами позже: «Он нашел эти чертежи. Решил, что это безумие, кощунство. Назвал меня одержимым. Грозится уничтожить все мои расчеты. Мой «Синий Экспресс» — единственное, что у меня осталось, мое детище! Он не понимает, что это не просто поезд. Это ключ к двери в иное измерение, к силе, о которой он и помыслить не смеет! Он хочет отнять у меня последнее».

Я оторвалась от страниц, пытаясь осмыслить прочитанное. Их вражда была не из-за денег. Она была из-за этого поезда, из-за каких-то безумных планов Виктора, в которые Александр не верил. И я... где же я во всем этом?

С лихорадочной поспешностью я открыла шкатулку. Внутри, на черном бархате, лежали не украшения и ключи. Это был миниатюрный, изумительной работы портрет. И снова я. Но на этот раз — в свадебном платье викторианской эпохи, с фатой, с грустной, отрешенной улыбкой. На обороте тонким, каллиграфическим почерком было выведено: «Е.А. Согласно Пророчеству. Единственная, способная стать проводником и активатором Сердца Экспресса. Да приведет нас ее чистая душа к Новым Рубежам».

Пророчество. Проводник. Сердце Экспресса. Слова кружились в голове, не находя объяснения. Они оба знали. Александр, с его добрыми глазами, знал, для чего ведет меня в этот поезд. Он не просто использовал меня как щит. Он вел меня к Виктору, как... как жертвенного агнца, как часть этого безумного ритуала. Его доброта, его очарование, его мнимая забота — все это была ложь, куда более страшная, чем яростная ярость, с которой он преследовал меня по коридорам.

Внезапно я почувствовала, как что-то изменилось. Тиканье часов не прекратилось, но его перекрыл другой звук — тихий, но отчетливый скрежет поворачиваемого ключа в замке двери.

Легкий паралич сковал меня. Я застыла с портретом в одной руке и дневником — в другой, не в силах пошевелиться, не в силах даже дышать.

Дверь бесшумно отворилась. В проеме, залитый светом из коридора, стоял он. Виктор. Он был в темном дорожном костюме, безупречном и строгом. Его лицо, такое похожее на лицо Александра и в то же время совершенно иное, было спокойно. Холодные, пронзительные глаза медленно обошли комнату, скользнули по открытому потайному отделению, по шкатулке в моих руках и, наконец, остановились на моем лице.

Он не выглядел удивленным. Не выглядел разгневанным. В его взгляде читалось лишь утомленное, почти скучающее знание.

— Я знал, что вы здесь окажетесь, — произнес он. Его голос был низким, ровным, без единой нотки угрозы. Он сделал шаг внутрь, и дверь так же бесшумно закрылась за его спиной, навсегда отрезая мне путь к отступлению. — Рано или поздно. Вопрос был лишь в том, приведет вас сюда мой брат... или ваше собственное любопытство.

Глава 7. Холодная сталь

Тишина, воцарившаяся после его слов, была иного качества, чем та, что была до его прихода. Раньше она была напряженной, звенящей моим собственным страхом. Теперь же она стала тяжелой, плотной, как вода в глубине океана, и главным источником этого давления был он. Он не заполнил комнату своим присутствием — он её вытеснил, подчинил себе сам воздух.

Я застыла, не в силах пошевелиться, сжимая в потных ладонях злополучный портрет и дневник. Он стоял в нескольких шагах, сняв одну перчатку, затем другую, медленно, с отточенной, почти церемонной точностью. Его пальцы были длинными и ухоженными. Холодные, пронзительные глаза, цвета зимнего неба перед снегопадом, скользнули по открытому потайному отделению, по шкатулке в моих руках и, наконец, остановились на моем лице. В них не было ни гнева, ни удивления, ни даже простого любопытства. Лишь плоская, безразличная оценка.

— Вы оправдали ожидания, — произнес он. Голос был ровным, бархатным, лишенным каких бы то ни было интонаций. — Хотя и проявили излишнюю импульсивность, заблудившись в коридорах.

Он говорил так, будто комментировал погоду или читал сухую строчку из отчета. Во мне всё сжалось от этого тона. Это было хуже, чем крик. Это была полная обесцененность моего страха, моего побега, моего отчаяния. Для него всё это было лишь досадной технической неполадкой.

— Вы... знали, что я здесь? — выдохнула я, и собственный голос показался мне жалким и слабым.

Он сделал шаг ближе, и я невольно отступила, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

— Александр привёл вас сюда, чтобы помешать мне, — констатировал он, как будто это было очевидным фактом, вроде того, что поезд движется по рельсам. — Я позволил этому случиться, потому что вы необходимы. Ваше появление в моём кабинете — логичное следствие. Вопрос лишь во времени.

Он подошёл совсем близко, и его взгляд упал на портрет в моей руке. Я чувствовала исходящий от него холод, словно он был сделан из льда, а не из плоти.

— Это не пророчество, — он взял у меня из пальцев миниатюру, его кожа едва коснулась с моей, и от этого прикосновения мне стало физически дурно. — Это расчёт. Ваша энергетическая сигнатура, столь ярко проявленная в том ребяческом танце на поляне, идеально резонирует с Сердцем Экспресса. Вы — ключевой компонент системы. Не более того.

— Компонент? — прошептала я, и в горле встал ком. Всё, что было — танец, его восхищённый взгляд, этот билет, — всё сводилось к холодному термину? «Компонент»?

— Что именно он вам обещал? — внезапно спросил Виктор, его взгляд стал острее, подобно скальпелю. — Спасение? Свободу? Любовь? — Он произнёс последнее слово с лёгкой, почти незаметной усмешкой, от которой стало ещё горче.

— Он... он говорил о доказательствах. О том, что вы... что этот поезд... — я запнулась, понимая, насколько беспомощно и глупо это звучит.

— Мотивация моего брата не имеет значения, — отрезал он, отворачиваясь и кладя портрет обратно в шкатулку с движением, полным окончательности. — Имеет значение лишь функциональность системы. Его попытки саботажа — не более чем помеха, которую можно устранить.

Устранить. Слово повисло в воздухе, холодное и острое. Оно относилось ко мне? К Александру? К обоим сразу?

— А что... что это за система? — попыталась я снова, цепляясь за последнюю надежду понять. — Что такое «Сердце Экспресса»?»

Он повернулся ко мне, и в его глазах на секунду мелькнуло что-то — не интерес, а лёгкое раздражение, как у учёного, которого отвлекают от важной работы глупыми вопросами.

— Это не ваша забота, — произнёс он. — Ваша задача — выполнить свою роль. Всё остальное — технические детали.

В этот момент поезд резко дёрнулся, заставив меня пошатнуться и ухватиться за край стола. Где-то вдалеке послышался приглушённый грохот. Сердце ушло в пятки. Александр? Охрана?

Виктор не пошелохнулся. Лишь его пальцы слегка постучали по полированной поверхности стола, выражая тихое, сдержанное раздражение.

— Александр начал, — произнёс он, и в его ровном голосе впервые появились нотки чего-то — не страха, а презрительного недовольства. — Неэффективно. Как и всегда. Он провёл рукой по скрытой панели на столе, и лёгкая вибрация, пронизывавшая вагон, чуть изменила частоту, будто в ответ на его прикосновение.

Виктор снова посмотрел на меня, и этот взгляд вернул меня в реальность — страшную и неумолимую.

— У вас нет выбора, — заявил он, и в его словах не было угрозы, лишь констатация железного факта. — Но я предпочитаю соблюдать формальности. Итак, ваша воля. Вы можете добровольно выполнить свою роль в системе, сохранив определённый уровень комфорта и достоинства. Или... — он сделал крошечную, едва заметную паузу, — система будет активирована принудительно. Результат для Экспресса будет тем же. Для вас — нет.

Я смотрела на него, на это прекрасное, бесстрастное лицо, и понимала, что он не лжёт. Он не пытался меня запугать или обмануть. Он просто сообщал условия задачи. Я была для него переменной в уравнении, которую нужно было правильно разместить.

И в этот миг грохот раздался снова — гораздо ближе, оглушительный, металлический скрежет, от которого задрезжали стёкла в книжных шкафах. Свет погас, погрузив кабинет в кромешную тьму, и через секунду зажёгшись вновь, но теперь — тусклым, аварийным, отбра-

сывающим длинные, пляшущие тени. Из коридора донеслись крики, топот, резкая, отрывистая команда на непонятном языке.

В багровом свете аварийных ламп я увидела его лицо. И наконец-то на нём была эмоция. Не страх. Холодная, безудержная ярость. Его черты исказились, губы сжались в тонкую белую ниточку.

— Он посмел... посмел повредить механизм... — прошипел он, и его голос впервые сорвался на низкую, опасную ноту. Он резко повернулся ко мне, и его глаза, пылающие в полумраке, впились в меня. В них читалось нечто новое, незнакомое — не безразличие, а жёсткое, неоспоримое чувство собственности. — Вы теперь часть Экспресса. И, следовательно, моя ответственность.

Он шагнул вперёд, его рука с силой впилась в мою, сжимая запястье. Жест был не столько грубым, сколько абсолютно властным, не допускающим ни малейшего сопротивления. Его пальцы были холодны, как сталь.

— Пойдёмте, — его голос снова стал ровным и безразличным, но в нём появилась стальная непреклонность. — Наш диалог окончен.

Глава 8. Между двух огней

Виктор тащил меня за собой через охваченный хаосом вагон. Его хватка была железной, пальцы впивались в моё запястье с такой силой, что я чувствовала, как кости ноют от боли. Он не оглядывался, не проверял, поспеваю ли я. Я была просто грузом, ценным активом, который необходимо доставить в пункт назначения — в головной вагон, к пресловутому «Сердцу Экспресса».

Вокруг царил ад. Свинцовый запах пороха смешивался со сладковатым душком крови и едким дымом. Двое мужчин в форме проводников, но с чужими, жесткими лицами, с ожесточением скрестились с охранниками Виктора. Они дрались с животной яростью, без правил, с использованием всего, что попадалось под руку — от кастетов до обломков мебели. Виктор прокладывал себе путь, как бульдозер. Когда на его пути оказался раненый наёмник, он просто отшвырнул его в сторону с той же безразличной эффективностью, с какой смахнул бы соринку с плеча. Он не защищал меня — он расчищал территорию. Его «ответственность» за меня была ответственностью инженера за деталь сложного механизма — её нужно сохранить целой для будущего использования.

Именно тогда из-за поворота, окутанного клубами пара, появился он. Александр. Он был растрёпан, его лицо залито кровью из рассечённой брови, но в глазах пылал неистовый триумф.

— Отпусти её, Виктор! — его голос прозвучал хрипло, но громко, перекрывая на мгновение шум битвы.

Виктор остановился. Его пальцы на моём запястье не ослабли ни на йоту.

— Ты привёл в мой дом шакалов, — холодно констатировал Виктор. — Думаешь, они отдадут тебе власть над Экспрессом? Они сожрут тебя первым.

— Лучше шакалы, чем безумец, который хочет разорвать саму ткань мира! — выкрикнул Александр. Его взгляд метнулся ко мне, полный отчаянной мольбы. — Он лжёт тебе! Ты не станешь частью чего-то великого! Ты умрёшь! «Сердце» выжжет тебя изнутри! Он приносит тебя в жертву своему безумию!

В моей груди всё сжалось в ледяной ком. Жертва. Это слово отозвалось эхом в памяти, всплыли образы портрета в свадебном платье, дневника с записями о «проводнике». Манипуляция Александра с его добрыми глазами или холодная правда Виктора? Кому верить?

Виктор повернул ко мне голову. Его лицо было всего в сантиметре от моего.

— Решайте, — произнёс он, и его голос, тихий и чёткий, резал слух после истеричных криков брата. — Его путь ведёт к разрушению. К хаосу, который принесут эти наёмники. Мой — к порядку. К силе, которая подчинит себе этот хаос. Но выбирать нужно сейчас.

Я смотрела на них — на яростного, окровавленного Александра, который вёл меня сюда с улыбкой и ложью, и на холодного, бесстрастного Виктора, который хотя бы честен в своём желании использовать меня как инструмент. Два брата. Две стороны одной медали. Два пути, ведущих в пропасть.

И в этот миг где-то совсем рядом, с оглушительным рёвом, раздался новый взрыв. Поезд резко дёрнулся, заставив всех нас пошатнуться. С потолка посыпалась штукатурка, погас свет, и нас окутала почти полная тьма, нарушаемая лишь аварийными фонарями, бросающими кроваво-красные блики.

Хватка Виктора ослабла на долю секунды — ровно настолько, чтобы я смогла вырваться.

— Я не пешка в вашей игре! — крикнула я, и голос мой, к моему удивлению, прозвучал твёрдо и громко.

Я не побежала ни к Александру, ни за Виктором. Я рванулась в боковой коридор, тёмный и узкий, ведущий вглубь жилых вагонов. Сзади донёсся яростный крик Виктора и возглас Александра, но я уже не оглядывалась. Я бежала, пока в легких не стало жечь от нехватки воздуха, пока ноги не стали подкашиваться. Наконец, я увидела очередную дверь и, не раздумывая, влетела внутрь, захлопнув её за спиной.

Тишина.

Она оглушила меня после какофонии битвы. Воздух в купе был прохладным и пахло старыми книгами, сушёными травами и чем-то ещё — слабым, горьковатым ароматом миндаля.

И тогда я увидела его.

Он сидел в глубоком кресле у столика, освещённый мягким светом настольной лампы под зелёным абажуром. В его руках была раскрыта книга в потрёпанном кожаном переплёте. Мужчина лет шестидесяти, с седыми висками и спокойным, мудрым лицом. На нём был тёмный бархатный халат. Он выглядел так, словно находился в уютной библиотеке, а не в аду несущегося поезда.

Он медленно поднял на меня взгляд. Его глаза, тёмные и бездонные, смотрели с невероятным спокойствием и... пониманием.

— Кажется, буря застала вас врасплох, дитя моё, — произнёс он. Его голос был низким, бархатным, полным необъяснимого умиротворения. — Присядьте. У нас, полагаю, есть немного времени до следующего акта этой драмы.

Я стояла, прислонившись к двери, не в силах вымолвить слово. Кто он? Ещё один игрок? Союзник одного из братьев?

Он словно прочёл мои мысли. Лёгкая улыбка тронула уголки его губ.

— Я не слуга Виктора. И не союзник Александра. — Он закрыл книгу и отложил её в сторону. — Я всего лишь наблюдатель. И иногда... проводник для тех, кто заблудился в лабиринте собственной судьбы. А вы, моя дорогая, кажется, заблудились основательно.

Глава 9. Уроки в полумраке

— Вы... — мой голос прозвучал хрипло и неуверенно. — Вы знаете, кто я?

Незнакомец слегка склонил голову. Свет лампы выхватывал из полумрака морщины у его глаз — следы былых улыбок, теперь спрятанных за маской невозмутимости.

— Я знаю, кем вас считают другие, — ответил он, и его слова прозвучали как загадка. — Виктор видит в вас инструмент. Александр — оружие. Но кто вы на самом деле? Этот вопрос, полагаю, вам только предстоит открыть.

Он указал на кресло напротив. Движение его руки было плавным и полным естественного достоинства. Я медленно подошла и опустилась на край сиденья, всё ещё не решаясь расслабиться.

— Они братья, — прошептала я, больше для себя, чем для него. — Виктор и Александр.

— Да, — подтвердил незнакомец. — И их вражда стара, как этот поезд. Старше, возможно. Она родилась не из-за власти или денег. Она родилась из разного понимания мира.

Он помолчал, дав мне время осмыслить его слова. За стеной доносились приглушённые звуки продолжающейся борьбы, но здесь, в этом купе, время текло иначе — медленно и вдумчиво.

— Виктор верит в порядок, установленный силой. В жёсткие рамки, в которые можно заключить саму реальность, — продолжил он. — «Сердце Экспресса» — это его попытка создать новый мир по собственным чертежам. Иллюзорный, но идеальный с его точки зрения.

— А Александр? — спросила я.

— Александр... — незнакомец вздохнул. — Он боится. Боится силы, которую не может контролировать. Боится перемен. Его протест — это протест ребёнка, который не хочет взрослеть. Он готов разрушить всё вокруг, лишь бы сохранить привычный уют старого мира.

Я слушала, заворожённая. Все части головоломки начинали складываться в единую картину. Безумие Виктора и страх Александра. И я — пешка между ними.

— А что... что будет со мной? — спросила я, и голос мой снова задрожал. — Если «Сердце» активируют?

Тёмные глаза незнакомца стали серьёзными.

— Вы станете топливом, дитя моё. Искрой, которая запустит механизм. Ваша жизненная сила, ваша душа... они будут использованы как проводник. Вы не умрёте. Вы станете частью машины. Навсегда.

От его слов по коже побежали мурашки. Вечность, заточённая в металлическом чреве поезда... Это было хуже смерти.

— Что же мне делать? — прошептала я, в отчаянии глядя на него.

Он улыбнулся — печально и с сочувствием.

— Перестаньте быть пешкой, — сказал он мягко. — Начните думать своей головой. Вы уже сделали первый шаг — сбежали. Теперь нужно понять, куда бежать. И зачем.

— Я не могу остановить это одна!

— Не можете, — согласился он. — Но вы можете выбрать, на чьей стороне действовать. Или... — он сделал паузу, — ...создать свою собственную.

В его словах была сила, которая заставила моё сердце биться чаще. Своя сторона? Как?

— Поезд мчится вперёд, — продолжал он. — И у вас есть лишь ограниченное время, чтобы принять решение. Виктор скоро восстановит контроль. Александр будет пытаться его остановить. Их конфликт — это буря, в центре которой оказались вы. Но даже в центре бури есть тихий глаз — место, где можно обрести покой и ясность.

— Где он? — спросила я. — Этот тихий глаз?

Незнакомец снова улыбнулся, и на этот раз в его глазах вспыхнул огонёк.

— Внутри вас, дитя моё. В вашем собственном сердце. Там, где нет места ни чужому безумию, ни чужому страху. Только ваша собственная воля.

Он посмотрел на дверь, словно прислушиваясь к чему-то.

— Скоро они найдут вас, — произнёс он. — И тогда вам придётся сделать выбор. Запомните: не важно, что вы выберете. Важно, чтобы этот выбор был ваш. Не Виктора. Не Александра. Ваш.

В его словах была такая сила и убеждённость, что я почувствовала — впервые за этот долгий ужасный вечер — проблеск надежды. Пусть маленький и хрупкий, но он был.

— Кто вы? — снова спросила я, но на этот раз с почтением, а не со страхом.

Он покачал головой.

— Пока что просто попутчик. Возможно, когда-нибудь... Но сейчас не время для имён. Сейчас время для действий.

Он указал на небольшую, почти незаметную дверцу в стене, скрытую за портьерой.

— Этот проход ведёт в вентиляционную шахту. Оттуда можно попасть в служебные помещения и на крышу поезда. Если вы хотите избежать встречи с братьями, это ваш путь.

Я посмотрела на дверцу, затем на него.

— А вы? — спросила я. — Вы останетесь?

— Моё путешествие ещё не закончено, — ответил он загадочно. — Мы встретимся снова, когда придёт время. А теперь идите. И помните — тихий глаз бури всегда с вами.

С последним взглядом, полным невысказанной мудрости, он снова открыл свою книгу, словно наш разговор был всего лишь небольшим перерывом в чтении.

Я подошла к потайной дверце, чувствуя, как в груди загорается новая решимость. Страх никуда не делся, но теперь у меня было что-то большее — понимание. И выбор.

Открыв дверцу, я бросила последний взгляд на незнакомца. Он уже погрузился в чтение, его профиль был освещён мягким светом лампы — островок спокойствия в бушующем море хаоса.

Забравшись в тёмную шахту, я поняла: игра только начинается. Но теперь у меня был шанс изменить её правила.

Глава 10. За порогом бури

Вентиляционная шахта оказалась тесным, пропахшим пылью и металлом лабиринтом. Я пробиралась вперёд на ощупь, в полной темноте, прислушиваясь к приглушённым звукам, доносящимся из-за стен. Грохот и крики постепенно стихали, сменяясь тревожной тишиной, нарушаемой лишь скрежетом тормозов и шипением пара. Поезд замедлял ход.

Слова незнакомца эхом отзывались в моём сознании. «Тихий глаз бури всегда с вами». Я цеплялась за них, как за спасительную соломинку. Он был прав — я не могла вечно бежать. Нужно было найти своё место в этой чудовищной игре.

Наконец, впереди показался слабый луч света. Я подползла ближе и увидела решётку, за которой открывался вид на тёмную, пустующую платформу какого-то полустанка. Поезд, с глухим стоном, окончательно замер. Используя последние силы, я отодвинула решётку — она поддалась с протестующим скрипом — и вывалилась наружу, на сырые, холодные камни.

Ночь встретила меня ледяным дыханием. Воздух был напоён запахом хвои и влажной земли. Я лежала, не в силах пошевелиться, глядя в беззвёздное небо, прислушиваясь к собственному сердцу, которое, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Из поезда доносились приглушённые голоса, но никто не вышел на платформу. Битва закончилась. Но кто победил?

Поднявшись, я огляделась. Поезд стоял у одинокой, заброшенной платформы. А прямо передо мной, в конце узкой тропинки, утопая в тени вековых елей, стоял замок. Вернее, огромный, мрачный особняк из тёмного камня, с остроконечными башенками и высокими, слепыми окнами. Он казался необитаемым, но от него веяло странным, тревожным ожиданием.

Именно сюда вёл тот потайной путь? Это и было то самое «место», о котором говорил старец?

Собрав остатки сил, я побрела по тропинке. Массивная дубовая дверь особняка была приоткрыта, словно кого-то ждали. Я вошла внутрь.

Внутри царила торжественная, гробовая тишина. Высокий холл был погружён во мрак, сквозь который едва пробивался лунный свет из цветного витража на втором этаже. Воздух был неподвижным и холодным, пахло воском, старым деревом и временем. Ни души. Ни звука.

«Тихий глаз бури», — снова подумала я. Здесь и впрямь было тихо. Слишком тихо.

Я медленно прошла в соседний зал — огромную библиотеку с галереями, уходящими ввысь. В камине тлели угли, отбрасывая дрожащие тени на стены, уставленные книгами до самого потолка. И именно там, в кресле у огня, сидел он.

Виктор.

Он был один. Его одежда была в беспорядке, на скуле краснел свежий кровоподтёк, но он сидел с прямой спиной, устремив неподвижный взгляд на угасающее пламя. В его позе не было ни торжества, ни поражения. Лишь все та же ледяная, незыблемая уверенность.

Услышав мои шаги, он медленно повернул голову. Его глаза, холодные и пронзительные, встретились с моими. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Я знал, что вы найдёте дорогу, — произнёс он. Его голос был ровным, безразличным, будто моё появление здесь было столь же предсказуемо, как восход солнца. — Этот дом всегда был конечной точкой маршрута.

Я замерла у входа, чувствуя, как страх снова сковывает меня. Он был здесь один. Где Александр? Где его люди?

— Где... — начала я, но голос предательски дрогнул.

— Мой брат отступил, — ответил Виктор, словно прочтя мои мысли. — Как и всегда. У него хватает смелости на саботаж, но не на победу. — Он жестом указал на кресло напротив. — Присаживайтесь. Буря миновала. Настало время для разговора.

Осторожно, я сделала несколько шагов вперёд и опустилась на край кресла, готовая в любой момент сорваться с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.